

АНАР

ЗИМНИЕ НОЧИ В ГОРОДЕ

Пьеса в восьми картинах

Перевод Ханлара ЗИЯЗАДЕ

К 30-годовщине ЧЕРНОГО ЯНВАРЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГИЙЯС – редактор газеты «Чагдаш», 61 год
ДИЛЯРА – его жена, 55 лет
НАМИГ – их сын, 31 год
БАХРАМ ЗЕЙНАЛЛЫ – дядя Гийяса, академик, 73 года
РАСИМ – его сын, журналист, 37 лет
ШАМХАЛ – прокурор, 68 лет
ЗАКИР – его сын, 29 лет
ФИРУЗ – брат Диляры, 48 лет
АГАРАФИ – бывший друг Фируза, предприниматель, 48 лет
ЧОПУР ДЖАББАР – научный работник, 71 год
САДЬЯР – преподаватель ВУЗа, 60 лет
ВЕДУЩИЙ МИТИНГА
ГОРХМАЗ – 22-23 года
АЖДАР КИШИ – сосед Гийяса, шофер такси, 78 лет
ГУРГЕН – коллега Аждара, шофер такси, 77 лет
СУРЕН – внук Гургена, 26 лет
ДИКТОРЫ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В БАКУ И МОСКВЕ
СЮСЯН СЮМБЮЛЬ – певица
ОПЕРАТОР
ДВА ДРУГА ГОРХМАЗА

События происходят в Баку в январские дни 1990 года.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Кабинет заместителя генерального прокурора республики Шамхала Бедирзаде. Его письменный стол, на столе несколько телефонов, конференц-стол на 10-12 человек, на стене портрет Горбачёва и административная карта Азербайджана. Четыре телевизора, каждый показывающий отдельный канал, в том числе и московские. На протяжении всего спектакля на заднем плане расположен большой экран. Периодически сцены с экранов телевизоров показываются и на этом экране.

Шамхал сидит с правой стороны конференц-стола, а трое посетителей – Бахрам Зейналлы, Чопур Джаббар, Садьяр – с левой. В течении беседы секретарша приносит и наливает всем чай.

ШАМХАЛ. Добро пожаловать, рад видеть вас, профессор, извините, академик, дорогой Бахрам-муаллим. Вас я приветствую особо. Благодарю вас, что приняли наше приглашение, ведь я знаю, что...

БАХРАМ. Я только вчера приехал из Москвы. Совещание проходило в очень напряжённой обстановке...

ШАМХАЛ. Да, я знаю, знаю. Я смотрел его по телевизору. И ваше выступление было превосходным.

БАХРАМ. Да, меня столько поздравляли, а академик Гончаров даже сказал, что старая гвардия не стареет. Но дело не в этом.

ЧОПУР ДЖАББАР. Во время вашей речи Горбачёв сидел с открытым ртом.

САДЬЯР. Да, действительно он слушал очень внимательно.

БАХРАМ. Дело не в этом...

Телефонный звонок.

ШАМХАЛ (*встаёт и поднимает трубку*). Да, товарищ секретарь, они пришли, они у меня (*Слушает.*), конечно, товарищ секретарь, обязательно, обязательно (*Повесив трубку, возвращается к столу.*) Это был секретарь. Передавал вам привет.

ЧОПУР ДЖАББАР. Спасибо.

ШАМХАЛ. Бахрам-муаллим, как мне теперь к вам обращаться, уважаемый академик или уважаемый депутат?

БАХРАМ. Шамхал, для вас я всегда только Бахрам-муаллим.

ШАМХАЛ. Конечно, успехи Расима меня тоже очень радуют. Да и не может быть по-другому, ведь он ваш сын. Информация, что он подготовил для ВВС, тоже понравилась руководству. Была бы жива покойная Рухсара-ханым, она бы очень обрадовалась.

БАХРАМ (*вздыхает*). Это жизнь... есть такие недуги, что и медицина бывает бесильна. Как поживает Тамара-ханым?

ШАМХАЛ. Она тоже очень больна.

БАХРАМ. Я же говорил, что обязательно нужна операция.

ШАМХАЛ. Да я весь замотан в делах... Но я не об этом... Дорогие друзья, я обременил вас своим приглашением по другому поводу. Вы и сами видите положение и знаете ситуацию...

ЧОПУР ДЖАББАР. Да, страна разваливается на куски.

ШАМХАЛ. Еще нет, но это может произойти. Считая вас близкими людьми, я сообщу вам очень закрытую информацию. Само собой, всё сказанное не должно покидать пределов этой комнаты.

САДЬЯР (*оглядываясь вокруг*). Эта комната тоже прослушивается?

ШАМХАЛ (*смеясь*). Нет, но то, что прослушивается в других местах, раскрывается в этой комнате. Короче, в Москве силовые министры держат пистолет у виска Горбачева, требуя, конечно, я говорю метафорически, да, требуя от него принятия серьёзных мер.

ЧОПУР ДЖАББАР. Давно пора.

ШАМХАЛ. Согласен, демократия – это хорошо, но ведь всему есть предел... А то это уже превращается в кавардак, самоуправство, феодализм. Демократия...

ЧОПУР ДЖАББАР. Не демократия, а дерьмократия!

ШАМХАЛ. Как бы то ни было, нужно быть немного осторожными. Весь мир наблюдает за нами.

БАХРАМ. Я сказал на встрече с Горбачёвым, что всё нужно решить так, чтоб и волки были сыты и овцы целы.

САДЬЯР. Горбачёв это должен хорошо понимать, он бывалый пастух.

ЧОПУР ДЖАББАР. Почему же – и русские знают, что к чему.

БАХРАМ. Дело не в этом.

ШАМХАЛ. Зачем же мне вас обременять? Вы знаете нашу ситуацию. На Площади с каждым днём выдвигаются всё более радикальные предложения. Москва внимательно наблюдает за этим и требует от руководства республики принятия серьёзных мер. *(Звонит телефон.)* Как раз вовремя... Москва... *(Поднимает один из телефонов.)* Да, здравствуйте. Слушаю вас. Мы делаем всё возможное, чтобы держать события под контролем. Что значит недостаточно? Это – народ, товарищ Ташков. Принимаю, что направляют, но... *(Слушает.)* Хорошо, учтём...

САДЬЯР. И вы оказались в очень сложном положении. С одной стороны – народ, с другой стороны – Москва.

ЧОПУР ДЖАББАР. Что вы тут завели: народ, народ, это не народ, это толпа.

ШАМХАЛ. В любом случае, нам надо сделать всё, чтобы в это тяжёлое время не пролилась кровь.

БАХРАМ. Я говорил Горбачёву и насчёт этого, он сказал, что никому не позволит так унижить армию.

САДЬЯР. Шамхал-муаллим, что же вы хотели сказать нам?

ШАМХАЛ. Вам я хотел сказать, что вы являетесь авторитетными представителями нашей интеллигенции. Джаббар-муаллим, Садьяр-муаллим, и в особенности академик Бахрам Зейналлы. Как говорится, сливки общества. Вы должны взять Площадь под свой контроль, не дать возможности всякого рода авантюристам запутать и завести народ в пропасть.

ЧОПУР ДЖАББАР. Мы готовы сделать всё, что в наших силах.

ШАМХАЛ. Джаббар-муаллим, Садьяр-муаллим, вы являетесь преподавателями ВУЗов. За вашими спинами стоит большая когорта студентов. Они всегда услышат слова своих любимых учителей.

САДЬЯР. Ну да, услышат... они разошлись и перевозбуждены.

ШАМХАЛ. В любом случае нужно что-то предпринять.

САДЬЯР. Как говорил товарищ Берия, попытка не пытка.

ШАМХАЛ. Ваш чай остывает, Бахрам-муаллим, я хочу побеспокоить вас еще по одному вопросу. Вы знаете, что на Площади, да и вообще во всём общественном движении одним из самых активных людей является Гийяс Зейналлы, ваш племянник. Он делает очень радикальные заявления: отставка и всё такое прочее...

ЧОПУР ДЖАББАР. Да если бы он только выступал... это полбеды, он ещё является редактором газеты «Чагдаш»: пишет и печатает всё, что ему вздумается.

ШАМХАЛ. Да, это так. Дорогой Бахрам-муаллим, и я лично, да и руководство считаем, что единственный человек, кто может приструнить его, это вы. Он не станет вам перечить.

БАХРАМ. Ну да, он ещё тот упрямец. Вот именно потому, что он не слушал меня, я больше десяти лет не разговариваю с ним, прекратил всякое общение.

ШАМХАЛ. Знаю, мы в курсе. И причину этого я помню. Много лет назад он не зачислил моего сына в институт. Он согласился с арестом своего сына, но не отступил от своего упрямого решения. Но сейчас речь идёт не о личных делах, мы говорим о судьбе страны.

БАХРАМ. Его сын отсидел три года, освободился.

ШАМХАЛ. Да я знаю. Но действительно, ведь Нияз-муаллим...

БАХРАМ. Гийяс.

ШАМХАЛ. Да. Гийяс-муаллим этим самым оказал нам услугу. Мой сын хоть и не смог поступить в институт, но я устроил его работать в нашу систему. Теперь он уже майор.

БАХРАМ. Шамхал, вы знаете, как хорошо я к вам отношусь. Но этого от меня не просите. Я не буду разговаривать с этим упрямым. Он всё равно наплюёт на мои слова. Не заставляйте меня краснеть. Да и покойной Рухсаре-ханым я обещал, что никогда больше не заговорю с Гийясом.

ЧОПУР ДЖАББАР. Не в обиду академику, да это и не тот человек, с которым можно говорить. И он, и один из его друзей Керим Аскероглу, оба одного поля ягоды, два сапога пара. Злостные националисты, пантюркисты, сторонники Турции...

САДЬЯР. Не надо опять вспоминать старое, Джаббар-муаллим. Время доносов уже прошло, да и кости Сталина уже превратились в прах.

ЧОПУР ДЖАББАР. Вот и сейчас нужен один такой Сталин, чтоб железной рукой смёл всех этих говорунов.

САДЬЯР. Чтоб упрятал за решётку Керима Аскероглу, а прах его отца эксгумировал и отправил в Сибирь.

ЧОПУР ДЖАББАР. Невозможно понять твои убеждения, Садьяр. На чьей ты стороне?

САДЬЯР. На своей.

ШАМХАЛ. Дело в том, что они оба – и Нияз Зейналлы, и Керим Аскероглу находятся под пристальным наблюдением, и в отношении их обоих могут быть приняты очень серьёзные меры. Как видите, я предельно откровенен с вами.

ЧОПУР ДЖАББАР. То есть, они могут быть арестованы.

БАХРАМ. Нет я бы не хотел, чтоб Гийяс был арестован, как бы то ни было, он наш человек, я не хотел бы, чтоб имя нашей семьи было запятнано. Я вообще не хотел бы, чтобы кто-то был арестован по политическим причинам. Мы уже видели то время, и уже прошли его. Не дай Бог, чтоб оно снова вернулось.

ШАМХАЛ. Я никоим образом не оказываю на вас давления, Бахрам-муаллим. Если вы не хотите говорить с Ниязом, то есть и другой путь. Выступите на митинге с присущей вам сдержанностью, мудро и по теме, тогда такие, как Гийяс, потеряют авторитет среди людей. Рано или поздно народ поймёт, кто есть кто. Они отделят популистские высказывания от слов аксакалов.

ЧОПУР ДЖАББАР. Верно, народ сам всё разглядит и взвесит.

САДЬЯР. Даже если иногда будет косоглазить.

ЧОПУР ДЖАББАР. Прошу прощения у академика, но у них – у Гийяса и у Керима – другие намерения. Вывести Азербайджан из состава СССР и присоединить к Турции. Вот их цели. И покойный отец Керима был злостным тюркистом.

САДЬЯР. Ни Керим, ни его отец нигде не говорили, что, мол, давайте выйдем из СССР и присоединимся к Турции. Его отец стал жертвой клеветы и был сослан в Сибирь. После смерти Сталина он был реабилитирован и вернулся назад.

ШАМХАЛ. Да нам всё это известно.

ЧОПУР ДЖАББАР. Ну и что с того, что реабилитирован, он же не отказался от своего пантюркизма. Его каждым словом было – мы тюрки. Да и название нашего языка, оказывается, тюркский. Дорогой мой, хватит подвязывать нас к хвосту тюрков. У человека должна быть какая-то национальная гордость, честь и достоинство...

САДЬЯР. Говоря национальная гордость...

ШАМХАЛ (*перебивает его*). Одну минуту. Это не такой простой вопрос, Джаббар-муаллим. Нужно учитывать и чувства народа: на Площади немало и тех, кто, надеясь выйти из этого тяжёлого положения, полагаются на Турцию. Нужно очень тонко подходить к этому чувствительному вопросу. Не так ли, Джаббар-муаллим?

ЧОПУР ДЖАББАР. Конечно, конечно, вы совершенно правы.

ШАМХАЛ. И мой сын говорит, вы действительно очень надёжный и необходимый человек. Но и у сегодняшних реалий есть свои требования. И я не сомневаюсь, что вы, приняв во внимание настроения сегодняшнего дня, прекрасно выступите на Площади. Это вы можете взять под контроль Площадь, вы можете направить все в нужном направлении. И главное то, что этим митингам должен быть положен конец. Бог знает, какие ужасные сценарии готовит для нас Москва. (*Звонит телефон.*) Он тоже очень беспокоится (*Поднимает трубку.*) Да, товарищ секретарь, у нас получился очень хороший разговор. Мы полностью поняли друг друга. (*Кладёт трубку.*) Да разве

этот телефон даёт нам поговорить по душам? Даст Бог, в спокойное время как-нибудь посидим как следует. *(Снова звонит телефон.)*

Монитор заднего плана – на экране Площадь, заполненная людьми, и выступающие ораторы. Могут использоваться кадры из фильма Заура Магеррамова «Площадь» («Мейдан»).

ЗАНАВЕС

ВТОРАЯ КАРТИНА

Монитор заднего плана – на экране Площадь, переполненная людьми. На переднем сцене главная трибуна Площади. Звучит увертюра к опере «Кёроглу».

ВЕДУЩИЙ МИТИНГА. Дамы и господа! Сегодня наш депутат, аксакал, академик Бахрам Зейналлы присоединился к нам здесь на митинге. Слово ему.

Аплодисменты и свист.

БАХРАМ. Дети мои, мои сыновья, мои дочери, мои внуки и правнуки, соотечественники! Я обращаюсь к вам. Вчера я вернулся из Москвы. В Москве я встречался с руководителем нашего государства товарищем Горбачёвым. *(Звучит свист.)* Дело не в этом. Михаил Сергеевич *(Звуки свиста усиливаются.)* сказал, будьте уверены, никакого разговора об изменении границ не может быть *(слабые аплодисменты, громкий свист)*. Гарабах принадлежит Азербайджану *(Аплодисменты.)* Но и желания армянской стороны тоже должны быть учтены *(Звуки свиста достигают максимума, отчётливо слышны выкрики «предательство».)*

БАХРАМ *(несколько в замешательстве)*. Но ведь мы на протяжении веков жили с армянами как хорошие соседи.

КРИКИ ИЗ ТОЛПЫ. Позор! И это наш аксакал! И это наш депутат! Уходи с трибуны, предатель!

БАХРАМ. Дети мои! Мои дорогие! *(Толпа освистывает его, не даёт говорить. Горхмаз в грубой форме берёт его под руку и уводит от микрофона. Бахрам хватается за сердце и садится на ступени. Достает из кармана таблетку. Обращается к Горхмазу.)* Сынок, дай мне стакан воды.

ГОРХМАЗ. Воду тебе даст Горбачёв. Это Площадь мужества, а не водяной ларёк.

ГИЙЯС *(подходит к нему)*. Дядя...

БАХРАМ *(поднимает голову)*. Гийяс. И ты здесь?

ГИЙЯС *(обнимает его)*. Сейчас принесут воду *(Другой молодой человек приносит воду, Бахрам принимает лекарство.)*

ЧОПУР ДЖАББАР *(забирает микрофон у ведущего)*. Дайте мне слово. Дорогие соотечественники, героические сыновья моего героического народа, бесстрашные сыновья великого Бозгурда! Хватит нам слушать лживые обещания Горбачёва *(оглушительные аплодисменты)*. К сожалению, до сих пор мы не знали, кто наш настоящий враг, а кто друг. Это Горбачёв будет заботиться о нас? Наша надежда и опора – это опять братская Турция *(оглушительные аплодисменты)*. Наше сердце, наша кровь – это тюркская кровь. Но мы и сами чего-то стоим. Где же наши бесстрашные Кёроглу, чтоб своим мечом отрезать уши Зори Балаяну. Где наши Бабеки, чтоб скрутить уши Вазгену...

САДЬЯР *(шепчет ему в ухо)*. Не забудь Атропата.

ЧОПУР ДЖАББАР. Где мудрый Атропат, чтоб э-э-э...

САДЬЯР *(шёпотом)*. Чтоб академику Аганбеяну...

ЧОПУР ДЖАББАР. Снял штаны академику Аганбеяну?

САДЬЯР (*шёлотом*). Гачаг Наби.

ЧОПУР ДЖАББАР (*шёлотом Садьяру*). Его оставим на следующий раз. Да, дорогие соотечественники. И Кёроглу, и Бабек, и Шах Исмаил...

САДЬЯР (*шёлотом*). И Атропат...

ЧОПУР ДЖАББАР. И Атропат, видите, они на этой Площади, среди вас, дорогие собраты. И Бабеки, и Кёроглу сегодняшнего дня...

САДЬЯР. И Атропат...

ЧОПУР ДЖАББАР. И Атропат – это вы. Вы! Вы! Глаза трёхсотмиллионного тюркского мира устремлены на вас. На нас. (*Оглушительные аплодисменты.*)

ЧОПУР ДЖАББАР (*Садьяру*). Ну, а теперь говори, пожалуйста, Атропат. Ты исполнял работу суфлёра для меня, а теперь посмотрим, что ты сам скажешь.

САДЬЯР. Дорогие дамы, господа, друзья, товарищи! Я простой преподаватель ВУЗа. Наверное, среди вас немало и моих студентов. Я не политик и не оратор. Я даже не поэт. Но пламенная речь Джаббар-муаллима взволновала и меня. Моё вдохновение разбушевалось и создало один стих. Не обращайтесь внимания на прорехи в рифме и такте, это идёт из самого сердца. (*начинает с пафосом читать стихи*)

***Родина-мать, Азербайджан,
Душу свою тебе отдам.
Сады твои, горы твои,
Шехиды твои, живые твои
Не оставят надежду твою никогда,
Прекрасные ждут тебя времена.
Пройдут месяцы и года,
Но не разделит нас рек вода.
Ни Астара, ни Араз, –
Соединимся мы в ближний час.
Этой зимой иль этим летом.
Не говорите чушь и вздор,
Смельчаков только видит мой взор.
Прямо к свободе нас приведёт
Этой Площади блеск и почёт.***

Оглушительные аплодисменты, свист. Говорит следующий оратор, его голос удаляется, на переднем плане Бахрам и Гийяс.

ГИЙЯС. Как ты себя чувствуешь, дядя?

БАХРАМ (*кивает головой – «хорошо», говорит с трудом*). Как Диляра, Намиг?

ГИЙЯС. Хорошо, спасибо.

БАХРАМ (*Закиру – молодому человеку, принесшему воду*). Сынок, большое спасибо тебе, что принёс мне воды. Постой-ка, а ты не сын Шамхала?

ЗАКИР. Да.

БАХРАМ. Ну я же говорю, ты кажешься мне знакомым. Гийяс, ты знаешь, кто это. Это сын Шамхала.

ГИЙЯС. Я знаю.

БАХРАМ. Тот парень, которого ты срезал на экзамене.

ГИЙЯС. Не срезал, поставил ему тройку, я хорошо это помню.

БАХРАМ. А теперь он майор безопасности.

ГИЙЯС. И это я знаю. И здесь он курирует нас, наблюдает за нами.

САДЬЯР. Очень хорошо. Государство должно знать своих друзей и врагов.

ЗАКИР. Вы прекрасно выступили, Джаббар-муаллим. Я проинформирую об этом.

САДЬЯР. Ты посмотри на этого информатора, Господи, до чего мы дожили. Ты ещё ребёнок, главный из информаторов уже здесь (*Показывает на Джаббара.*)

ЧОПУР ДЖАББАР. Змея ты, змея. Что ж, от друга Керима Аскероглу нельзя ожидать ничего большего...

ВЕДУЩИЙ МИТИНГА. Слово даётся тому человеку, которого мы хорошо знаем. Редактор газеты «Чагдаш» Гийяс Зейналлы (*Оглушительные аплодисменты.*)

ГИЙЯС. Дорогие братья, эта Площадь не место для проявления красноречия и не поэтический вечер. Здесь действительно решается судьба народа, и мы выдвинули наши конкретные предложения по этому вопросу. Криками «отставка, отставка!» проблема не решается. Мы отправим одного человека из Москвы в отставку, а на его место они направят другого – опять своего человека. До смены руководства должна быть смена политики. И им, и их хозяевам в Москве мы должны предъявить наши конкретные требования. наших соотечественников, изгнанных из Армении, мы должны разместить только в Нагорном Гарабахе и в соседних районах. У руководства республики на это не хватит воли. Наши депутаты должны поднять этот вопрос в Москве в парламенте, как самый важный и не терпящий отлагательств. Второй важный вопрос — это то, что мы должны информировать весь мир о попрании прав человека в отношении наших соотечественников, изгнанных из Армении. Под наблюдением международных наблюдателей они должны быть возвращены на исконные земли своих предков в Армению и в каком-либо месте их компактного проживания получить автономию в какой-либо форме. Только после этого Нагорному Гарабаху может быть дан высокий статус в составе Азербайджана. Да поможет нам Бог! (*Аплодисменты, свист.*)

ЗАНАВЕС

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса. Намиг пьёт чай. Только проснувшаяся Диляра входит в комнату. Намиг встаёт и обнимает мать.

НАМИГ. С днём рождения тебя, мама!

ДИЛЯРА. Эх, да какой там день рождения? Ты не видишь, что происходит? Ни о каком дне рождения даже не вспоминаешь.

НАМИГ. Ну в любом случае, 55 лет – это дата.

ДИЛЯРА. А нельзя, чтоб ты не напоминал мне о возрасте? Может, даже и не 55, а больше. Твой трёхлетний срок в заключении и меня состарил на десять лет.

НАМИГ. Я только лишь нёс наказание за своё преступление.

ДИЛЯРА. Какое преступление, мой дорогой. Разве в чём-то была твоя вина?

НАМИГ. Мама, прошу тебя, не начинай этот разговор.

ДИЛЯРА. Я знаю, что и ты не можешь позабыть ту девушку. Как её звали?

НАМИГ. Гюмрю. Давай больше не будем говорить на эту тему.

ДИЛЯРА. Как же мне не говорить на эту тему, если она съедает меня изнутри, сжигает меня.

НАМИГ. Ну хорошо, говори, Господи. Говори и сними с себя этот груз.

ДИЛЯРА. И дядя Бахрам отступил в сторону. Но вся вина на твоём отце.

НАМИГ. Я же сказал, не будем вдаваться в детали. Тем более в такой день...

ДИЛЯРА (*берёт букет цветов с буфета*). Откуда это здесь?

НАМИГ. Ну как откуда, от твоего спутника жизни, у которого ты постоянно находишь недостатки. Пока ты спала, он ещё на рассвете сходил и купил тебе свежие цветы. К тому же ещё написал тебе письмо, оно вон там. (*Диляра открывает письмо, читает, улыбаясь.*) И что же он написал?

ДИЛЯРА. Нельзя читать чужие письма; даже если ты сын.

Звонок в дверь, Намиг открывает, входит Аждар киши с букетом цветов.

АЖДАР. Поздравляю, Диляра-баджи, с днём рождения. Желаю вам – и тебе, и супругу, и сыну – ещё многие годы этого праздника...

ДИЛЯРА. Спасибо большое, дядя Аждар, зачем все эти хлопоты? Удивительно, как ты вспомнил.

АЖДАР. Да разве можно забыть такой день? За три дня до твоего дня рождения... и Намиг... вернулся. Я был вне себя от радости. И нас с матерью вы тоже пригласили. Эх, прекрасные были дни... я подумал, что вечером у вас будет много гостей, это не по мне, поэтому пришёл поздравить сейчас.

ДИЛЯРА. Ни гостей, ничего такого вечером не будет. А даже если и будут, ты всегда самый желанный гость.

АЖДАР. Вот за эту вашу человечность я и люблю вас, и тебя, и брата Гийяса. Ведь кто я такой, простой шофёр такси, но такой гений, как Гийяс, всегда относится ко мне с достоинством и уважением.

ДИЛЯРА. О чём ты говоришь, дядя Аждар? Ты ничем не хуже других. Сядь, выпей чаю.

АЖДАР. Спасибо, дай Бог мне выпить чаю на свадьбе твоего сына. Вечером, после того, как разойдутся гости, я может зайду к вам; у меня небольшое дело к Гийяс-гардашу.

ДИЛЯРА. Пожалуйста, пожалуйста. Наши двери всегда открыты для тебя.

Аждар уходит. Звонок в дверь.

НАМИГ. Да у нас сегодня аншлаг... а ты говорила, что не хочешь проводить день рождения, видишь, как люди любят тебя (*Открывает дверь, входит Расим с большим букетом в руках.*) В городе, наверное, уже не осталось цветов...

РАСИМ. Поздравляем вас, Диляра-баджи. Отец тоже хотел прийти поздравить вас, но сказал, что не знает, примет ли его Диляра?

ДИЛЯРА. Ну что ты такое говоришь? Дядя Бахрам – это аксакал нашей семьи.

РАСИМ. Не знаю, он говорит, что в то время в деле Намига Диляра немного обиделась на меня.

ДИЛЯРА. Ну, кто прошлое помянет... Расим, что было, то было и прошло. Мы всегда рады видеть дядю Бахрама.

Монитор заднего плана – на экране документальные кадры митингов на Площади. Выступающие ораторы, гул толпы, аплодисменты и свист.

ЗАНАВЕС

ЧЕТВЁРТАЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса. Вечер. Диляра накрывает на стол, расставляет приборы.

НАМИГ. Кажется, у нас будет много гостей. А ты ещё говорила, что не отмечаешь день рождения.

ДИЛЯРА. Ну что поделаешь? Ты слышал, что сказал Расим утром? Он сказал, что дядя Бахрам тоже хочет зайти вечером.

НАМИГ. Пусть приходит... (*Шутя, с издёвкой.*) Нам только депутата не хватает.

ДИЛЯРА (*с иронией*). Академик. Депутат. Лауреат, ат... ат...

НАМИГ. Кажется, он тебе не нравится.

ДИЛЯРА. Сейчас у него проснулась совесть, а когда тебя сажали на три года в тюрьму, он пальцем о палец не ударил.

НАМИГ. Но мама, а что он должен был делать...Я отбывал срок наказания за своё преступление.

ДИЛЯРА. Опять ты начал? Что ты заладил: преступление, преступление. Ты же не нарочно совершил автомобильную аварию... Да и машина принадлежала Расиму. Расим вышел сухим из воды, а тебя засадили за решётку.

НАМИГ. Вёл машину я. И вина лежит на мне. Не время для этого разговора.

ДИЛЯРА (мягким тоном, ласково). Ты всё её не забываешь.

НАМИГ. А как я могу забыть, мама? По моей вине такая девушка погибла в молодые годы. Единственный ребёнок своей матери.

ДИЛЯРА. А ты ведь мой единственный ребёнок, (Пауза.) ты всё ещё ходишь на её могилу?

НАМИГ. Два раза в год – в день рождения и в день смерти.

ДИЛЯРА. С её матерью?

НАМИГ. Да... пока её мать не скончалась.

ДИЛЯРА. Её мать умерла? Я даже не знала. Когда?

НАМИГ. Два года назад.

ДИЛЯРА. А почему ты не сказал об этом нам?

НАМИГ. Отец знал. Он помог и с похоронами. Ведь у них больше никого нет. Мы похоронили её рядом с Гюмрю.

ДИЛЯРА (вздыхает). Несчастливая девочка... Ну что поделаешь, сынок. Чему быть, того не миновать. И ты не принимай это так близко к сердцу. Уже столько лет прошло. Подумай и о нас с отцом, мы сейчас должны радоваться внукам.

НАМИГ. Интересное время, чтобы радоваться. Ты видишь, что происходит вокруг. Мама, сегодня вечером у нас будет один неожиданный гость. Его пригласил я. Он был в России и вернулся только вчера. И как приехал, сразу нашёл меня, приглашал на ужин сегодня вечером, я сказал, нет, сегодня день рождения моей матери. Так вышло, что мне пришлось его пригласить.

ДИЛЯРА. Кто это, я с ним знакома?

НАМИГ. Агарафи

ДИЛЯРА. Кто?

НАМИГ. Агарафи. Не помнишь, он был близким другом дяди Фируза?

ДИЛЯРА. Постой, постой. Я вспомнила. Его тоже арестовывали; за мошенничество и хищение... А у тебя что за дела с ним?

НАМИГ. Ровно два года и три месяца мы с ним вместе сидели в Шушинской тюрьме.

ДИЛЯРА. Господи Боже, да уйдут те дни навсегда. Куда ты, и куда этот вор?..

НАМИГ. Вор или не вор, мама, там все равны. Агарафи там был атаманом. Он говорил, что отец чем-то не угодил ему, срезал его сына на экзамене, но добавлял, что хорошим на хорошее может ответить любой мужчина, а хорошим на плохое может ответить только по-настоящему сильный человек. Он оберегал меня там.

ДИЛЯРА. Ну, что было, то было. Держись подальше от таких людей, сынок.

НАМИГ. Как же мне быть подальше, если я обязан ему жизнью?! (Дилляра смотрит на него с удивлением.) Да, это так. У начальника тюрьмы был заместитель Амбарян. Он терпеть нас не мог. Особенно интеллигенцию. Почему-то ко мне он особо придирался. Однажды в пьяном состоянии он сболтнул, что, мол, мне нужно отомстить этим туркам за пятнадцатый год... Потом он опять что-то сказал, и я ответил ему, он бросился на меня и хотел ударить, но вступился Агарафи и не дал ему сделать это. Он хотел посадить меня в карцер, и опять Агарафи не позволил этого. Ведь и Амбарян знал, что Агарафи является авторитетом среди заключённых. Позже я узнал, что когда нас выводили на прогулку во двор, Амбарян собирался убить меня

под предлогом попытки к бегству. И этому не дал случиться Агарафи. Он не отошёл от меня ни на шаг, пока мы находились во дворе.

ДИЛЯРА. Боже мой, сынок, что же ты пережил, мой ребёнок... У меня волосы встают дыбом, когда ты рассказываешь об этом.

НАМИГ. Так что, когда я вижу армянина, я как будто вижу Амбаряна. Терпеть не могу их всех.

ДИЛЯРА. Не говори так, сынок, и среди армян есть и хорошие, и плохие.

НАМИГ. Будь прокляты их хорошие. Не говоря о плохих. Давай я помогу тебе... (Расставляет стулья). Вечером в одиннадцать я должен на два дня уехать в район.

ДИЛЯРА. А что за дела у тебя в районе?

НАМИГ. Организационные вопросы.

ДИЛЯРА. Теперь ты ещё присоединился к Народному фронту. Господи, я не знаю, почему и у тебя, и у твоего отца всегда должна болеть голова. Вот и сегодня твой отец выступает на митинге. Посмотрим, опять к чему это приведёт...

НАМИГ. Не волнуйся, мама. Это правое дело. И это наш долг.

Звонят в дверь. Входит Фируз, целует Диляру, вручает сестре подарок в большом свёртке.

ФИРУЗ. Поздравляю сестра, поздравляю. Многих лет тебе вместе с твоим сыном и твоим невеждой мужем...

ДИЛЯРА. Не начинай опять, хотя бы в такой день.

НАМИГ (сурово). Дядя Фируз...

ФИРУЗ. Всё, молчу, молчу... Да разве может быть такое, чтобы единственный брат не мог приходить в дом к единственной сестре?

ДИЛЯРА. Кто же тебе запрещает?

ФИРУЗ. Мне никто не запрещает, но твой муж делает такое лицо, что после этого и не хочется приходить. Да и возраст уже не тот, чтоб игнорировать его выходы. Ну да бог с ним... Сегодня я пришёл, переборов свои демонов. Я сказал себе, что же я за брат такой, если не поздравлю свою сестру с днём рождения.

Входит Гийяс, открыв дверь своим ключом. Увидев Фируза, теряется, но здоровается и с ним.

ГИЙЯС. Добро пожаловать. (Вручает подарок Диляре.) Ну что ж, давайте садиться за стол...

ДИЛЯРА. А ждать дядю Бахрама не будем, он передал, что зайдёт?

ГИЙЯС. Я знаю, но он будет позднее. Его вызвали в Центральный Комитет, но, как говорит дядя Бахрам, (смеётся) дело не в этом. (Звонок в дверь.) Эта встреча с депутатами в ЦК закончилась очень быстро. Намиг, открой дверь.

Входит Агарафи, здоровается с Гийясом, передаёт подарок Диляре.

АГАРАФИ. Поздравляю, Диляра-баджи, как говорится, чем богаты...

ДИЛЯРА. Большое вам спасибо.

НАМИГ. Отец я рассказывал тебе, Агарафи спас мне жизнь.

ФИРУЗ (подходит к Агарафи, протягивая руку, радостный). Агарафи!

АГАРАФИ (не подавая руки). Мы разве знакомы?

ФИРУЗ. Я же Фируз, Агарафи, неужели я так изменился, что ты меня не узнал? Я тотчас же узнал тебя.

АГАРАФИ. Вы меня с кем-то путаете.

ФИРУЗ. Ну как же так, Агарафи? Это же я – Фируз, твой друг Фируз.

АГАРАФИ. У меня нет друзей по имени Фируз.

ФИРУЗ. Как так нет? Неужели ты забыл? Ты би ор нот ту би? Я читал тебе монолог Гамлета. Тебе очень нравилось. Агарафи (*Берёт Агарафи под руку.*), что с тобой, может, ты обижен на меня? Ведь мы были как братья.

АГАРАФИ (*внезапно сурово*). Как братья, да уж... а что это за брат, который столько лет даже не интересуется, что же случилось с его братом? Как меня посадили в тюрьму, так и всё – конец. Ни здрасте, ни до свидания. Скатерть со стола – и друзья со двора...

ФИРУЗ (*стыдливо*). Прости меня, Агарафи, пожалуйста, забудь мои грехи, время было такое – мерзкое время. Я подумал, что вместе с тобой и меня засадят за решётку.

АГАРАФИ. Причём здесь время? Конечно же, своя шкура дороже брата.

ФИРУЗ. Прости меня ...

АГАРАФИ. Что у меня осталось, чтоб тебя простить? Меня раздели до нитки, сейчас я гол как сокол... Да чёрт со мной, ты хотя бы поинтересовался, что с моей семьёй; что с ними, как они, живы, здоровы? (*Фируз молчит, опустив голову.*) Когда меня арестовали, то весь мой дом перевернули вверх дном, жена заболела и попала в психушку, сын, собрав манатки, убежал в Россию, до сих пор я не могу найти его, не знаю, где он и что с ним.

ФИРУЗ. Будь проклят этот советский строй! Умелого делового человека засаживают за решётку за то, что он разбогател; разрушают его семью. Ты тоже жертва того режима, поговори с Гийясом, пусть он отведёт тебя на митинг, выступи, что, мол, и я немало пережил бед от рук этих проклятых коммунистов.

АГАРАФИ (*внимательно смотрит на Фируза*). Да, ты тот же Фируз, тот же Фируз, совсем не изменился. Благодарю Всевышнего, что ты дядя Намига. А не то я бы с тобой разобрался по-другому. А то, что я оставил тебе (*Смеётся.*) на карманные расходы, ты, наверное, давно проел и сверху запил водой.

ФИРУЗ. Вот когда говорят, что кафтану завидуют, а что под кафтаном – не ведают...

Во время разговора Агарафи с Фирузом Диляра вышла в другую комнату, переделалась и вернулась.

ДИЛЯРА (*подходит к ним*). Старые друзья, как мило вы беседуете... Пожалуйста ста проходите к столу.

Периодически Намиг переключает каналы телевизора. Новости из Баку и из Москвы показываются и на экране большого монитора.

Звонок в дверь. Входят Бахрам и Расим. Передают свои подарки Диляре.

БАХРАМ (*целует Диляру*). Поздравляю тебя, дочка. Прости своего старого дядю. Как говорят, конь о четырех ногах, и тот спотыкается. Все мы не без греха. Прости.

ДИЛЯРА. Ну что вы говорите, дядя Бахрам. Рада видеть вас, добро пожаловать. И большое спасибо за цветы.

БАХРАМ. Подойди-ка сюда (*Отводит Диляру в сторону, достаёт из кармана небольшую коробочку и даёт Диляре.*) Это серьги покойной Рухсары-ханым. Чистейший бриллиант. Но дело не в этом. Возьми.

ДИЛЯРА. Ну что вы, дядя Бахрам, зачем же это?

БАХРАМ. Это воля покойной. За три дня до своей смерти она позвала меня, достала эти серьги, и сказала, чтоб я передал их Диляре. Мы виноваты перед ней, не смогли помочь её сыну.

ДИЛЯРА. Извините меня, дядя Бахрам, но я не могу принять их. Гийяс будет в бешенстве. Оставьте их у себя и подарите их будущей жене Расима.

БАХРАМ. Расим не собирается жениться. Говорит, что я могу жениться только на англичанке, а наша власть этого не позволит.

ДИЛЯРА. И я тоже не смогу носить серьги покойной.

БАХРАМ. Оставишь для жены Намига.

ДИЛЯРА. У Намига тоже нет намерений жениться.

БАХРАМ (*вздыхает*). Он всё еще страдает о судьбе той девушки, Расим говорил мне.

РАСИМ. О чём вы там шепчетесь, идите уже за стол.

ГИЙЯС. Должно быть, Диляра жалуется дяде на меня.

БАХРАМ. Твой старый дядя одной ногой уже в могиле, не обижай меня, ты оби-дишь и душу покойной Рухсары. (*Кладёт коробочку на буфет.*) Идём.

ГИЙЯС. Бокалы полны, добро пожаловать всем. За ваше здоровье...

БАХРАМ. Ну нет, так не пойдёт, сегодня день рождения нашей дорогой Диляры. Все тосты должны звучать в её честь. Диляра всегда будь такой молодой, прекрасной, вместе с мужем, сыном...

ФИРУЗ. И с братом.

БАХРАМ. И с братом, и со всеми близкими и дорогими людьми...

ДИКТОР (*на экране монитора*). Начинаем наш концерт, азербайджанская народная песня «Сары Гялин». Исполняет народная артистка СССР Фидан Гасимова. (*звучит песня.*)

ГИЙЯС. Дядя, расскажи, что было в ЦК, опять давали сладкие обещания?

БАХРАМ. Народные депутаты СССР, то есть мы, были приглашены на встречу с Примаковым и Гиренко.

ФИРУЗ (*на ухо Агарафи*). Примаков – председатель Верховного Совета, а Гиренко – это секретарь ЦК КПСС.

АГАРАФИ (*небрежно*). Я знаю...

БАХРАМ. Из наших депутатов пригласили только пятерых человек. Меня, Арифа Меликова, Тофига Исмаилова, Вели Мамедова, да, и ещё Анара. Но дело не в этом.

ГИЙЯС. Так в чём же дело, дядя?

БАХРАМ. Дело в том, что и Примаков, и Гиренко клянутся и божатся, что никакого чрезвычайного положения объявляться не будет. И в Баку не будут вводиться войска.

ГИЙЯС. И вы им поверили?

БАХРАМ. Но ведь нет никаких оснований не верить им. Не будут же должностные лица такого уровня лгать. К тому же после того ужаса в Тбилиси они не посмеют применить силу.

АГАРАФИ. Верю кошке и ежу, а тебе погожу. Кто им поверит.

БАХРАМ. Мы предложили, чтоб была созвана внеочередная сессия Верховного совета СССР; ведь сейчас мы в отпуске. Они сказали, что в этом нет необходимости. Горбачёв сам лично контролирует ситуацию.

ГИЙЯС. А не сам ли Горбачёв заварил всю эту кашу? То, что они сделали в Грузии, не послужило им уроком.

РАСИМ. Нет, нет, здесь не Грузия. То, что они сделали там, здесь они сделать не смогут. За Грузией не стоит Турция.

ДИЛЯРА. Ну хватит уже говорить о политике. Плов остывает. Или он вам не понравился?

АГАРАФИ. Благословенны твои руки, сестра, вкуснейший плов.

БАХРАМ. У меня слюнки потекли. После кончины покойной Рухсары я уже столько лет не ел такого вкусного плова.

ДИЛЯРА. Намиг, прибавь звук телевизора, кажется, это новая певица.

ДИКТОР (на экране монитора). Выступает молодая певица Сюзен Сюнбюль. Старинная народная песня «Ah, sərin, sərin»... (Молодая певица начинает петь.)

*Ah, sərin, sərin sənin sözlərin,
Ah, dərin, dərin sənin qözlərin,
Ah, canim mənim, vəfali yarım,
Sevqilim mənim, qülüm, dildarım.*

БАХРАМ. Да это же армянская песня. «Ах, Сирун, Сирун» ...

РАСИМ. Ну что ж, армянам можно присваивать нашу долму, можно заявлять, что «Сарыгялин» – это армянская песня, можно красть и не выпускать из рук «Аршин мал алан», а если мы возьмём одну их песню, мир развалится?

ФИРУЗ (уже в подпитии, подмигивает Агарафи). Ворон ворону глаз не выклюет. У вора украсть – не грех.

АГАРАФИ (в том же состоянии). Ну, ты лиха-то не поминай.

БАХРАМ. Дети мои, вы все мои дети. Я хочу вам кое-что сказать. В истории бывают такие моменты, когда народ, вся нация должны объединиться в один кулак, и учёный, и рабочий, и врач, и сельчанин, и интеллигент, и безграмотный, и молодой, и старый, и праведник, и вор – все должны стать как один, все должны объединиться против общего врага. Кто наш враг?

НАМИГ. Армяне.

ФИРУЗ. Русские, это русские науськивают армян.

БАХРАМ. Нет, наш враг находится среди нас самих. Зависть друг к другу нас гложет, успех своих же собратьев покоя нам не дает. Всему завидуем: успеху, славе, богатству... И сами не можем чего-то достичь, а тех, кто может, за подол назад тащим, чтоб не смели нас в чем-то обогнать.

АГАРАФИ. Спасибо, профессор, ты вытащил занозу из моего сердца.

ГИЙЯС. Выходит, что в эти тяжёлые дни мы должны бороться сами с собой?

БАХРАМ. Дело не в этом, Гийяс. Даже если я и не шел по тому пути, по которому идёшь ты, я всё же уважаю твои убеждения. Каков отец, таков и сын. Мой покойный отец тоже был таким упрямым. Говоря «упрямый», я имею в виду, что он твёрдо стоял на своём слове. И твой покойный отец был похож на него. Жаль, что я в этом не похож на них.

ДИЛЯРА. Ну что вы говорите, дядя Бахрам, вы – корона всей нашей семьи.

БАХРАМ (он тоже немного пьян). Если б я был короной, вы бы подняли тост и за меня.

ГИЙЯС (встаёт и обнимает Бахрама). Ну что ты, дядя, ты как ребёнок, правда. Ты – гордость не только нашей семьи, ты – гордость всего нашего народа. Твоё имя, слава, профессионализм, искусство, самоотверженность...

Звуки понемногу затихают, сцена постепенно темнеет. В полной темноте слышен стук в дверь, Гийяс в пижаме включает свет, идёт к двери.

ДИЛЯРА (выходит в халате). Кто это в такое время?

ГИЙЯС (открывает дверь). Аждар киши, к добру ли? Что-то случилось?

АЖДАР. Какое добро в такие дни, Гийяс-муаллим. На вас одна моя надежда. (Кого-то зовёт.) Проходите. (Один из пришедших человек того же возраста, что и Аждар, Гурген, а другой – его внук 23-24 лет Сурен.) Моя душа верит только вам. Не знаю, может я совершаю ошибку, но...

ГИЙЯС. Пожалуйста, Аждар киши.

АЖДАР. Это мой напарник...э-э-э... мой друг Гурген. А это его внук...

ГУРГЕН. Сурен...

АЖДАР. Мы вот уже тридцать лет работаем на одном такси, днём моя смена, вечером его, или наоборот, вечером я, днём он.

ГИЙЯС. Переходи к делу, Аждар киши.

АЖДАР. Дело в том, что сегодня парня я отвезу в аэропорт и отправлю в Москву. А послезавтра я провожу Гургена в Грузию. Сколько лет мы делили хлеб.

ГУРГЕН. Да, эли, сколько лет мы делили хлеб.

ДИЛЯРА. Хорошо, Аждар киши, а что ты хочешь от нас?

АЖДАР (*прочищает горло*). У нас здесь есть горячие ребята в округе, хотели влезть к ним в дом. Через заднюю дверь несчастные выбрались и пришли ко мне. Эти парни знают, что мы напарники, значит, придут и к нам.

ГИЙЯС. И короче...

АЖДАР. Короче, мы были добрыми соседями столько лет, я знаю, какие вы люди. Я могу позволить себе обратиться к вам. Пусть Гурген побудет у вас две ночи... Я сам отправлю его в Грузию.

ДИЛЯРА. О чём вы говорите... Те, кто выслеживают вас, могут выследить и нас. У Гийяса столько врагов... Да и Намиг никогда не согласится на это. Хорошо, что его в этот вечер нет дома.

АЖДАР (*опечаленно*). Ну что поделаешь, я вас понимаю.

ГИЙЯС. Аждар киши, ты не должен обижаться на нас, ты же понимаешь...

АЖДАР. Что мне обижаться, я понимаю, понимаю... Идём, Гурген, ты остаешься у нас, Господь милостив.

ГИЙЯС. Стой! (*Диляре*.) Покажи ему мою комнату, пусть ночует там.

ГУРГЕН. Да благословит тебя Господь! (*Хочет поцеловать руку Гийяса, Гийяс отстраняется.*)

АЖДАР. Я знал, что ты настоящий мужчина и человек. (*Застывшему Сурену*.) Пойдём.

ГУРГЕН. Дядя Сурена – большой человек в Москве. С Горбачёвым он чашка-ложка. Горбачёв не обедает без него.

ГИЙЯС. Что ж, приятного аппетита.

ГУРГЕН. Пусть Господь проклянёт виновника и зачинщика всего этого. Сурен, сынок, встань и целуй руки и ноги этого прекрасного человека. (*Сурен хочет наклониться к ногам Гийяса, Гийяс решительно отталкивает его в сторону.*)

ГИЙЯС. Стыдно, поднимись на ноги. Ну, не задерживайтесь...

ГУРГЕН. Клянусь верой, нет на свете народа лучше этого.

На экране монитора документальные кадры: Площадь, митинги, совещания Верховного Совета СССР и Верховного Совета Азербайджана.

ЗАНАВЕС

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса.

ДИЛЯРА (*пьёт чай*). Гурген киши, иди выпей чаю. Не бойся, здесь никого нет.

ГУРГЕН (*со страхом проходит и садится. Пьёт чай*). Да хранит тебя Господь, ахчи! Да хранит Господь твоих детей!

ДИЛЯРА. Не называй меня ахчи, у меня есть имя; Диляра...

ГУРГЕН. Да хранит тебя Господь, Диляра, доченька! Таких человеческих людей я не видел, клянусь распятием. И в Гарабахе мы с испокон веков жили с мусульманами как друзья. Да разрушит Всевышний дома тех, кто посеял эту вражду, да проклянёт Господь зачинщика всего этого!

ДИЛЯРА. Скажи правду, Гурген киши. Говорят, что и у бакинских армян собирались деньги для помощи тем дашнакам в Гарабахе.

ГУРГЕН. Да разрушит Бог дома дашнаков, пусть крыши их домов упадут им на головы, чтоб их дети остались сиротами, чтоб их жёны рвали на себе волосы!

ДИЛЯРА. Ну хорошо, хватит уже тебе сыпать проклятиями. Ты мне скажи, и ты переводил деньги?

ГУРГЕН. Дай тебе Бог здоровья! Чтоб ты видела свадьбу своих внуков! Чтоб твои сыны и дочери были родителями сыновей! Чтоб твои внуки и правнуки...

ДИЛЯРА. Ты не меняй разговор, киши, ты скажи мне, и ты давал деньги?

ГУРГЕН (*глубоко вздыхает*). Ну что уж мне скрывать, и я из зарплаты, с выручки переводил деньги на счёт. У нас был такой один Рантик, дурной армянин, он и нас обманул, что, мол, деньги пойдут на ремонт армянской церкви...

ДИЛЯРА. Ну если он так вас обманывал, этот Рантик, о котором ты говоришь, так может он просто прикарманывал те деньги.

ГУРГЕН. Ну что мне сказать? Да пусть Ацватс накажет раздорщиков! И Рантика вместе с ними!

Громкий стук в дверь.

ГУРГЕН (*испуганно*). Ахчи...

ДИЛЯРА. Скорее вставай и иди в ту комнату.

Гурген прячется в другую комнату, Диляра, убрав его стакан, открывает дверь. Горхмаз и два крепких парня входят внутрь.

ГОРХМАЗ. Это вы прячете армян?

ДИЛЯРА (*сбивчиво*). Каких армян? Кто вы такие?

ГОРХМАЗ. Где вы спрятали армянина, пусть выходит.

ДИЛЯРА. Да что вы зачастили, армяне, армяне? Здесь нет никаких армян. Это квартира Гийяса Зейналова. Что здесь делать армянам?

ГОРХМАЗ. Не имеет значения (*хочет пройти в комнату*).

ДИЛЯРА (*встаёт поперёк двери*). Туда нельзя.

ГОРХМАЗ. Почему? Там вы прячете армянина?

ДИЛЯРА. Думай, что говоришь. Я гожусь тебе в матери. Это моя спальня. Там не убрано. Вы что, не мусульмане? Что за дела у чужого мужчины в спальне у посторонней женщины?

ГОРХМАЗ. Отойди, я сказал (*хватает Диляру за руку*).

НАМИГ (*входит, открыв дверь своим ключом*). Мама! Кто эти люди? (*Горхмазу*) Убери руки. (*С силой отталкивает его*.)

ГОРХМАЗ. Ты кто такой?

ДИЛЯРА. Это мой сын, он был в районе, хорошо, что ты вовремя вернулся, сынок.

НАМИГ. Чего они хотят?

ДИЛЯРА. Пристали, что вы прячете армян у себя в доме.

НАМИГ. Вы что, с ума сошли? Вы знаете, чей это дом. Что здесь делать армянам? Уходите. (*Намиг открывает дверь комнаты и входит внутрь. Диляра в тревоге. Намиг возвращается.*) Я же сказал вам, уходите, или я буду говорить с вами по-другому (*вытаскивает из кармана удостоверение и показывает им*).

ГОРХМАЗ (*читает*). Совет обороны Народного Фронта. Что поделаешь, нам поступил сигнал, что здесь прячут армян.

НАМИГ. Наверное, сигнал был насчёт верхних соседей. Идите туда, у него и мать армянка, и жена...

ГОРХМАЗ. Извините. (*Уходят.*)

НАМИГ(*после их ухода рассерженно матери*). Что это значит, что делает этот Амбарян в кабинете моего отца?

ДИЛЯРА. Это не Амбарян – это Гурген.

НАМИГ. Все армяне Амбаряны. Отец знает?

ДИЛЯРА. Конечно, это друг Аждара киши, он попросил, твой отец согласился спрятать его на два дня.

НАМИГ. Ну и дела, Господи.

ДИЛЯРА. Ну хорошо, ради Бога, а зачем ты направил их к тем соседям, действительно у него мать и жена армяне?

НАМИГ. Ты ведь даже не знаешь, что они уже два года, как переехали в Израиль. Их квартира пустует. Там никто не живёт.

ДИЛЯРА (*смеётся*). Да ну тебя, я же говорю...Мой золотой сынок.

*Освещение меняется.
Квартира Гияса, чуть позже.*

ГИЙЯС. Ты накормила друга Аждара?

ДИЛЯРА. Он не хочет ничего есть. Съел одну-две долмы; говорит, что долма – это наше блюдо.

ГИЙЯС (*смеётся*). В лодку сел и с лодочником ругается?! Они неисправимы. Ну ладно, позови его, пусть попьёт чаю. Скажи, что и чай тоже изобрели армяне.

Диляра зовёт Гургена.

ГИЙЯС. Гурген-киши, что означает слово «долма»?

ГУРГЕН. Ну, долма, она и есть долма, да, эли...

ГИЙЯС. Долма – это означает заполнять лист мясом. Ну и с каких пор это стало вашим блюдом?

ГУРГЕН. Пусть будет ваша, эли, и долма, и плов, и бозбаш, и кебаб, шашлык. Ваше, наше, да какая разница. Да разрушит Господь дом зачинщика раздора!

ГИЙЯС. Гурген-киши, у вас есть такая поговорка: ин тэг хай, ин тэг вай. Что это значит?

ГУРГЕН (*вздыхает*). Да, верно...Там, где есть хай, то есть армянин, там будет вай, то есть слёзы. Ну такая мы нация, эли, вспоминая, что за беды приходили нам на голову, мы плачем.

ГИЙЯС. Так сами во всем виноваты... Жили и жили бы себе спокойно. Но вы обязательно по какой-то причине устраиваете раздор. И всегда вы кладете глаз на чужие земли.

ГУРГЕН. Да и не говори, не говори. Да разрушит Всевышний дома тех, кто посеял нипаг меж нами!

ДИЛЯРА. Что такое нипаг?

ГИЙЯС. Это нифаг – раздор. У армян нет в алфавите буквы «ф», поэтому вместо «ф» они говорят «п».

ГУРГЕН. Хорошо и правильно сказал поэт: День миновавший всегда лучше, чем нынешний день. Клянусь верой, какие были прекрасные дни. Со сколькими тюнками мы стали кумовьями.

ДИЛЯРА (*смотрит на экран телевизора*). Постой, постой, разве это не твой внук? Говорит из Москвы. Гийяс, прибавь звук.

ГУРГЕН. Вай, Сурен, внучек, душа моя, шеничериме! Добрался живым и здоровым. (*Гийяс прибавляет звук телевизора.*)

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Наш собеседник – Сурен Айвазян из Баку. Как вам удалось вырваться из того бакинского ада?

СУРЕН. Один старый друг моего деда, русский, тайно вывез меня.

ГУРГЕН. Русский?

ГИЙЯС. Да постой ты, послушаем, что ещё за ложь он будет говорить.

СУРЕН. Вы не представляете, какие это изверги – азербайджанцы. Моего деда-старика избили до полусмерти, выкололи один глаз. Я даже не знаю, жив ли он сейчас? И этого русского дядю Васю тоже, наверное, убили.

ГУРГЕН (*не может взять себя в руки*). Ах ты бесчестный, сын бесчестного, шандыга!

СУРЕН. Если бы не русский дядя Вася, меня тоже убили бы...

ГУРГЕН. Да будет проклята твоя вера, сукин ты сын! (*Встаёт и бросается на телевизор.*) Да породившего тебя...

ГИЙЯС. При чём тут телевизор, так уж ты его вырастил и воспитал...

ГУРГЕН. Если я так его вырастил и воспитал, пусть будет проклят мой отец...

ГИЙЯС. Диляра, переключи на Баку.

Диляра переключает телевизор на бакинский канал.

На экране концерт. Играют и танцуют.

ГУРГЕН. Брат Гийяс, прошу тебя, позвони Аждару, пусть заберёт меня и похоронит рядом с матерью. Я не хочу больше жить.

ГИЙЯС. Чтоб потом Сурен сказал, что азербайджанцы хоронят армян заживо.

На экране монитора концерт резко обрывается.

ДИКТОР. Передаём официальное сообщение Азеринформа. Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана, Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР, Совет Министров Республики сообщают, что чрезвычайное положение в городе Баку объявлено не будет. Призываем народ не поддаваться провокациям. Наш народ...

Громкий звук взрыва.

Все экраны гаснут.

ГИЙЯС (*взволнованно*). Что-то происходит. Я должен идти в редакцию.

ДИЛЯРА. В это время?

Звуки выстрелов, сирены.

ГИЙЯС. Ты не слышишь звуки стрельбы? По-моему, в город вводят войска.

ДИЛЯРА. Где же наш сын?

ГИЙЯС. Не волнуйся, придёт. И я тоже зайду в редакцию и сразу вернусь. Не выходи из дома.

На переднем плане сцены неизвестное место, Расим с оператором ведут съёмку. То, что они снимают, мы видим на экране монитора. Двигающиеся танки, бронетранспортёры, помятые, раздавленные, изрешечённые пулями автомобили, раненые люди, трупы. Звуки стрельбы, сирены, гудки кораблей...

Документальные кадры ночи 20-го января.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Утро чёрного января. Документальные кадры выступлений в Верховном Совете и в Академии. На этой сцене мы видим документальные кадры конкретных выступающих: Исмаил Шихлы, Зия Буниятов, Бахтияр Вахабзаде, Юсиф Самедоглу, Халил Рза Улутюрк. При наличии записи звучат их собственные голоса, в другом случае в исполнении актёров мы слышим их слова.

ИСМАИЛ ШИХЛЫ. Я участник Великой Отечественной войны. Я видел ужасные вещи. Но такого зверства я не встречал. Я не был свидетелем такой ужасной жестокости по отношению к своему собственному мирному населению. Коммунистическая партия потеряла своё лицо. Она воюет со своим собственным народом. Мне 71 год. Я 45 лет являюсь членом партии. В партию я вступил на фронте. Но сейчас эта партия превратилась в нечто, ещё хуже, чем фашистское СС. Я больше не хочу быть членом этой партии.

ЗИЯ БУНИЯТОВ. Все эти интриги являются делами КГБ СССР. И сумгайытские события были спровоцированы и организованы ими преднамеренно. Я прямо обвиняю Горбачёва, Язова, Крючкова. Я участник Великой Отечественной войны. На фронте все народы воевали вместе плечом к плечу. Эти люди намеренно в злобной форме натравливают народы друг на друга.

БАХТИЯР ВАХАБЗАДЕ. Московская пресса распространяет о нас всякого рода клевету и ложь. На нас наговаривают, что мы притесняем другие народы, в особенности русских. Это мерзкая ложь. Наш народ всегда ценил соседа больше, чем родственника, друга больше, чем брата. Бог свидетель, что мы никогда не были против русского народа. Мы на стороне справедливости и истины. И те, кто устроил всю эту провокацию против нас, сейчас хотят столкнуть нас с русским народом. В этом плане особое усердие проявляют московская пресса и Центральное телевидение.

ЮСИФ САМЕДОГЛУ. Давая лживые обещания о том, что в Баку не будут вводиться войска, они готовились к этой бесчеловечной акции, то они говорили, что пришли уничтожить Народный фронт, или защитить партию, или предотвратить погромы. Они и сами не знают, чем и как оправдать свои преступные действия.

ХАЛИЛ РЗА УЛУТЮРК.

Davam edir otuz yeddi
Daha kəsgin, daha ciddi.¹

İstəmirəm azadlığı
zərrə-zərrə, qram-qram
qolumdakı zəncirləri
qıram gərək, qıram, qıram.²

ЗАНАВЕС

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса. 2 часа ночи. Диляра как безумная мечется по комнате. Открывает дверь и входит Гийяс, показать его состояние – зависит от актёра.

¹ ...и продолжается тридцать седьмой,
всё более страшный, всё более злой...

² Не хочу я свободу
лишь крохами брать,
должен цепи свои
разорвать, разорвать!

ДИЛЯРА (*бросается к нему*). Ах! А где Намиг?
ГИЙЯС (*говорит с трудом*). Возьми себя в руки, Диляра. Намига нет.
ДИЛЯРА. Что? Ты сошёл с ума?
ГИЙЯС (*всхлипывая*). Намига убили.

Душераздирающий крик Диляры. Сцена темнеет, при появлении света мы видим Диляру и Гийяса, сидящих в разных концах комнаты, схватившись за головы. Через какое-то время, осторожно открыв дверь, входит Гурген.

ГУРГЕН. Что случилось? (*Никто не отвечает.*) Что случилось, эли?
ДИЛЯРА (*вдруг взрываясь*). Что случилось? Я тебе сейчас покажу, что случилось. (*Бросается на Гургена, хватая его за шиворот.*) Твой внук в Москве льёт на нас грязь и ложь, а мой единственный сын стал шехидом. Убит и погиб.
ГУРГЕН (*хватается за голову*). Вай ме...
ДИЛЯРА. Да чтоб тебя и всех вас, вай ме... Отдай мне сына. Всё это случилось по вашей вине (*хочет расцарапать лицо Гургена*).
ГИЙЯС (*встаёт и разнимает их, Гургену*). Иди в ту комнату.
ДИЛЯРА. Где мой ребёнок?! Отдайте мне моего ребёнка! (*Кричит и плачет.*)

Вдруг дверь в комнату резко открывается от сквозняка.

ГИЙЯС (*заходит внутрь, и сразу выходит*). Гурген выбросился с балкона.

На экране монитора документальные кадры. Похороны погибших шехидов. Через какое-то время все оставшиеся в живых участники пьесы, встав на переднем плане, смотрят на экран большого монитора. На экране документальные кадры исторического выступления Гейдара Алиева в постоянном представительстве Азербайджана в Москве. Выступление Гейдара Алиева на русском языке своим голосом, затем его голос затихает и продолжение текста звучит в исполнении диктора.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕЙДАРА АЛИЕВА.

Уважаемые товарищи, дамы и господа! Я узнал об этом вчера утром и, естественно, оставаться равнодушным к этому событию не мог. Я пришёл сюда, чтобы здесь, в Постпредстве, выразить своё соболезнование всему азербайджанскому народу в связи с трагедией, повлекшей большие жертвы.

ПЕРЕВОД В ИСПОЛНЕНИИ ДИКТОРА.

В ночь с 19-го на 20-е января в Баку были введены крупные силы Советской Армии и внутренних войск МВД. Уже известно к каким трагическим последствиям это привело. Это было большой политической ошибкой руководства. Оно не имело представления об истинном положении вещей в республике. Не были знакомы с психологией азербайджанского народа, не имели связей с различными слоями населения. Все, принимавшие участие в принятии этого решения, должны понести ответственность. Передайте мою глубокую скорбь, и искренние соболезнования нашему народу. Сейчас у меня нет иной возможности сделать это.

На экране монитора документальные кадры. Возвращение Гейдара Алиева в Баку, Принятие присяги после избрания Президентом, Азербайджанский флаг развевающийся над Площадью Свободы.

КОНЕЦ